

Феноменология качества современного образования

Приоритетный национальный вопрос качества образования в статье рассматривается на уровне глубинной — бытийной — функции образовательной системы, где, собственно, первый и рождается. Образование в таком случае предстает не только социальным организмом, но фундаментальной формой постижения бытия и самоосуществления человека как самоорганизующейся космобиосоциальной системы в значении интегрального образовательного результата. Именно в таком исследовательском ракурсе становятся понятными механизмы и эффекты формальной логики развития, которая переходит в философию образования в форме одномерного методологического императива и обеспечивает противоречивость образовательной практики, достижение одних педагогических целей за счет и в ущерб другим. Ограниченность педагогического мышления не просто фиксируется в парадоксах развития человека как личности и организма, но рассматривается главным препятствием на пути эволюции глобальной системы Человек-Природа-Общество. Феноменологическое осмысление проблем образования предполагает выход в пространство духовной идеи, изнутри фундирующей процесс поиска качества на разных уровнях жизнедеятельности человека, что и характеризует актуальность настоящей статьи.

Цель научного исследования: анализ факторов, лимитирующих процесс развития современного человека, а также обоснование необходимости принципиального обновления модели образования в ноосферной парадигме науки.

В работе использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы, системный анализ, аналогия, систематизация, обобщение.

Результаты исследования сформулированы в категориях философии образования и центрируют внимание читателя главным образом на ее критико-рефлексивной функции. Элиминация

субъекта образования рассматривается как закономерное следствие феноменологической редукции мышления, которое теряет высший уровень Всеобщего, разделяет единое жизненное пространство на «автономные» сферы жизни и вместе с тем скрывает природный код устойчивости (здоровья) личности. Статья содержит описание процесса расщепления сознания, глубинной инверсии личности в системе биологической и социальной детерминации развития, анализ двуглавой проблемы человека (психофизиологической и духовно-психологической) и предела педагогического мышления, действующего в современной практике социализации личности обучающихся. В отсуствии в педагогике ясных представлений об онтологической структуре субъекта и завершенной концепции личности, накоплении негативного качества индивидуального и общественного образа жизни утверждается системная недостаточность и функциональная опасность традиционной бинарной модели развития. Таким образом, можно полагать, что целью и результатом современного массового образования должно стать формирование индивидуума — человека-объекта космосоциоприродной системы. При этом биогенетический закон Мюллера-Геккеля, нормирующий традиционное образование, должен потерять методологическую силу. Предлагаемая методология управления качеством образования предполагает повышение субъектности развития участников образовательного процесса, восстановление их личности на основе ноосферной педагогической философии и требует расширения нормативного принципа моделирования образовательной практики до антропокосмического.

Ключевые слова: качество образования, биогенетический закон Мюллера-Геккеля, индивид, личность, парадокс развития, феноменологическая редукция, инверсия личности, биологическая и социальная детерминация развития, устойчивость личности.

Natalya G. Kulikova

ANO «Center for Noospheric Health», Moscow, Russia

Phenomenology of modern education quality

The national priority question of education quality is considered in the article at the level of an in-depth — existential — function of the educational system, where the former arises. In that case, education appears not only as a social organism, but a fundamental form of understanding existence and self-realization of a person as a self-organized space and biosocial system in terms of an integral educational result. The mechanisms and effects of formal development logic become clear from such research perspective namely, that changes into philosophy of education in the shape of a single-dimensional methodological imperative and provides for an inconsistency of educational practice, achievement of some pedagogical aims at the expense and to the disadvantage of others. The limited nature of pedagogical thinking is not simply fixed in the paradoxes of human development as an individual and organism, but is considered as the main obstacle in the way of evolution of the Human-Nature-Society global system. The phenomenological comprehension of education problems supposes coming into the space of a spiritual idea, funding the process of searching for quality at different levels of human life and activities from within, which characterizes the topicality of the given article.

The aim of the scientific research is to analyze factors limiting the process of modern human development, and to ground the necessity of the fundamental updating of the education model in the noospheric

scientific paradigm. Theoretical **methods** of research are used in the paper: analysis of scientific literature, system analysis, analogy, systematization, and generalization.

The research **results** are represented in the categories of education philosophy and focus the reader's attention mainly on its critical-reflexive function. Elimination of the subject of education is considered as a logical result of phenomenological reduction of thinking that loses a higher level of the Universal, divides the single living space into the "autonomous" spheres of life and at the same time hides the natural code of stability (health) of a person. The article contains the description of splitting of consciousness process, of a deep inversion of personality in the system of biological and social determination of development, analysis of the human's two-headed problem (psychological-physiological and psychospiritual) and the limit of pedagogical thinking operating in modern practice of the students' personality socialization. System insufficiency and functional danger of the traditional binary model of development is formed in the absence of clear ideas in pedagogics of the ontological structure of the subject and a complete concept of the individual, accumulation of the negative quality of individual and public lifestyles.

Therefore, it is possible to suppose that formation of an individual, a person — the object of the space, social and natural

system must become the aim and result of the modern educational mainstream. In such a case, Müller-Haeckel's biogenetic law regulating traditional education must lose its methodological force. The proposed methodology of managing quality of education implies higher subjectness of development of the educational process participants, restoration of their personality unity based on noospheric pedagogical philosophy and requires expanding

the regulatory principle of modeling educational practice up to the anthropocosmic one.

Keywords: *quality of education, Müller-Haeckel's biogenetic law, individual, the paradox of development, phenomenological reduction, inversion of personality, biological and social determination of development, stability of personality.*

Введение

Педагогическая реальность строится и развивается на базе глубинных противоречий расщепленной логики. Отвлеченная от содержания, последняя специализируется на формах связи понятий, рано или поздно заводя любое начинание в тупик. В практике обучения и воспитания детей центральное значение приобретает *парадокс развития личности*, который в полной мере воплощает противоречивость педагогического мышления. Если нечто развивается, то это означает, что оно, с одной стороны, изменяется, а с другой стороны остается самим собой. «Действительно, если мы предположим, что нечто только изменяется во времени, то какие основания у нас в различные моменты времени считать, что мы имеем дело с тем же самым нечто? Если же наоборот, мы припишем ему тождественность самому себе, неизменность, то, спрашивается, при чем здесь развитие?» [1]. Как в физике результат субатомного эксперимента зависит от позиции экспериментатора в том, какой аспект двойственной природы частицы выйдет на первый план, так и образовательный результат одномерно фиксирует феномены развития обучающихся как личности и индивида (организма). Формальная логика обучения и воспитания завязывается на манифестациях, измеряемых параметрах развития, что приводит к подмене декларируемой субъектности образования его субъективностью, творческой свободы — произвольностью, здоровьесбережения — нормированием, утверждая вместо

прогресса общественного развития наблюдаемый кризис человека, природы и цивилизации в целом. На какой естественной основе формируется и в чем именно заключается ограниченность педагогического мышления? Каковы механизмы развертывания одномерной логики образования? Что составляет содержание обобщенного результата образования? Об этом настоящая статья.

Бинарная модель человека

Вопрос образования человека открывается по линии философии биологии, содержащей нормативный принцип моделирования педагогической практики в виде биогенетического закона Мюллера-Геккеля (по Л.С. Выготскому): онтогенетическое развитие индивида сокращенно и сжато повторяет основные этапы развития всего ряда предковых форм — филогенеза. Рекапитуляция исторического опыта по канонам высшей нервной деятельности осуществляется через инстинкты или безусловные рефлексы, которые характеризуются неизменной и произвольной центральной программой, требующей для запуска ключевых раздражителей (релизеров). Современная система педагогических стимулов в таком случае составляет пусковую ситуацию для биосоциальных комплексов стереотипных действий, то есть действий человека-индивидуума, единичного природного существа, которое в своей единичности и обособленности стоит специального рассмотрения.

В психологическом мышлении индивидуум давно стал синонимом индивида

как представителя *Hominis sapientis*, у которого выделяются такие общие характеристики, как целостность психофизиологической организации, устойчивость во взаимодействии с окружающим миром и активность в самоизменении [2]. С позиции же современной философии, индивидуум в силу единичности и обособленности «вообще не поддается описанию с помощью общих отвлеченных признаков» [3]. Осмысливаемое двойко (на организменном и личностном уровнях), понятие индивидуума быть разработано в качестве не только формально, но и содержательно объединяющего две важнейшие единицы анализа теории личности — «индивид» и «личность».

Отдавая должное принципиальным отличиям индивидуальных и личностных структур и функций, в аспекте исследуемой проблемы становится значимым момент их единства.

В горизонтальной плоскости конкретных форм и явлений социоматериальной реальности органичное единство биологического и социального исключается.

В традиционном понимании человеческой жизни каждая и всякая личность формируется посредством интериоризации — усвоения общественного опыта в «логике предмета» социально детерминированной деятельности, а также освоения собственно биологического опыта как данности в «логике тела». Все содержание сознания человека формируется в первоначальном движении «снаружи внутрь», имеющим своим истоком весь чувственно воспринимаемый мир. Личность образуется в ре-

зультате «системного обобщения» (В.М. Русалов): низшие структурно-функциональные уровни упорядоченности множества его элементов (биологические свойства) входят на уровень формально-динамических свойств личности (темперамент), что, в свою очередь, включается на высший динамический, предметно-смысловой уровень (интеллект, характер) [4].

В психологии понимание человека как субъекта познания и действия, а мира как мира объектов, получает далеко идущее следствие: из предметной, то есть объективной в этом смысле, деятельности субъекта выводятся основные характеристики психики человека. Так постепенно за последним динамическим уровнем личности закрепляется значение «собственно человеческого», его содержания, которое противопоставляется биологической форме. В поляризации личностно-индивидуальных структур углубляется конфликт души и тела.

Попытки выхода из противоречивой ситуации всегда связываются с методологическим актом отождествления полярностей в поиске их единой основы, но в рамках формальной логики все эти попытки неизбежно страдают недопустимой редукцией (упрощением) и одномерностью. Традиционная модель развития несет в себе непреодолимое бинарными средствами противоречие — единство и борьбу биологического и социального, то есть одновременное взаимное отрицание сторон одного целого. «Форма единства и одновременной борьбы принадлежит всецело количественной стороне действительности, к которой действительность не сводится. Количество — определенность бытия, безразличная к самому бытию» [5]. Такое единство, лишенное органичности, называется *формальным* или *конкретным тождеством*.

Модель человека, построенная по принципу конкретного тождества, напоминает широко известный древнегреческий символ Кентавра (получеловека-полулошади), который вошел в мифологическую жизнь посредством механического слияния образов. Его соответствие традиционной модели человека отражается даже буквально: индивид с непроявленным в должной степени самосознанием действительно есть наполовину животное, и личность в непосредственной опоре на животно-биологическое есть только получеловек. Примечательно, что в интегральной психологии К. Уилбера шестая стадия эволюции сознания имеет название «кентавра», который характеризует ординарное развитие личности в ее «высоко упорядоченной интеграции Эго, тела, личности и Тени» (Уилбер К. Спектр сознания, 1977). В массовом образовании Кентавр становится неким символом педагогической веры.

Одномерному решению парадокса развития содействует *феноменологическая редукция* (греч. *phainomenon* — явление, данное в опыте чувственного познания) — логическая операция мышления, заменяющая сущность объекта его преходящими проявлениями. Рассмотрим ее механизмы.

Психофизиологическая проблема бинарной модели человека

Феноменологический подход реализует тождество индивида и личности в их пространственно-временной организованности, характеризующейся качествами конечности и определенности, где всякое определение есть ограничение, и всякая определенность есть конечность. Как существо конечное, человек имеет отношения с некоторыми ограниченными областями эмпирического мира, вос-

принимаемого через органы чувств. Восприятие окружающей реальности, начиная с его ощущения, осуществляется в «логике тела», которая онтологизирует биологическую сферу личности, представляя исходный момент феноменологической редукции мышления.

Ощущение в психологии считается простейшим процессом, в котором проявляются все основные парадоксально-специфические характеристики психического. Главное содержание психофизиологического парадокса состоит в том, что психический процесс уже на самом элементарном уровне, то есть именно в форме ощущения, будучи состоянием своего носителя, тем не менее, в итоговых характеристиках поддается формулированию лишь в терминах свойств своего объекта. Ощущение фиксирует границу между психическими и «непсихическими» явлениями, субъектом и объектом, чем до сих пор вызывает сложность интерпретации своей природы.

Выдающийся отечественный физиолог И.П. Павлов в рефлекторной теории соединяет территорию психического и непсихического общностью феноменологических характеристик и управляющих ими закономерностей, представляя материалистическую, пространственную логику их конкретного единства. Ключевое объяснительное понятие «анализатора» в рефлекторной теории описывает комплексный механизм, который не только воспринимает сигналы окружающей среды, «ощущает» мир, но преобразует его энергию в нервный импульс в периферической части нервной системы — рецепторных клетках. С рецепторных клеток энергия передается по проводящим путям к сенсорным корковым центрам, где сигналы внешнего мира реконструируются, сличаются и интегрируются с информаци-

ей, накапливаемой в памяти производством высшего анализа и синтеза. Конвергенция разномодальной информации рассматривается необходимой для целостного восприятия и формирования «сенсорной модели мира» [6].

Феноменологическое понимание психофизиологической проблемы определяет принципиальную конечность ощущений (конечность индивида), которые проявляются, будучи определенными по модальности и интенсивности в ограниченном трехмерном пространстве, наиболее выражено — в процессе предметной деятельности. Конечность ощущений сопрягается с ощущением конечности (конечностью личности), составляющим суть параллельной духовно-психологической проблемы. Последняя во всем объеме жизненных противоречий обнаруживается в процессе коммуникации с миром идей и людей. Об этом речь пойдет ниже.

Конечность индивида характеризуется его *родовой* и *психофизиологической определенностью*. Атеистическая биология не может исследовать особенности системы как таковой, а имея дело с конкретными функциональными системами (сердечно-сосудистой, пищеварительной и др.), неизбежно ограничивает общие представления о структурно-функциональной организации человека уровнем органики.

Анатомо-физиологические признаки вызываются в свидетельстве исключительного отношения индивида к животному миру, что закрепляет биологизаторское понимание его родовой определенности. Родословная человека уточняется в зоологической систематике у другого авторитета в области физиологии — К. Линнея: подтип позвоночных, тип хордовых, класс млекопитающих, отряд приматов, подотряд человекоподобных

приматов, секция узконосых обезьян Нового света, надсемейство человекообразных приматов, семейство гоминид (людей), род человек, вид человек разумный, подвид человек современный. Индивид как органическая система при учете фактора индивидуальной изменчивости принципиально определяется филогенетической программой, что можно считать *биологической детерминацией первого порядка*.

Психофизиологическая определенность индивида, в свою очередь, описывается по двум классам индивидуальных свойств, представленных известным советским психологом Б.Г. Ананьевым: возрастно-половых и индивидуально-типологических, конституирующих биологическое пространство человеческой жизни. В первый класс входят возрастные свойства, развертывающиеся в процессе последовательного становления индивида (онтогенеза), и половой диморфизм, интенсивность выражения которого соответствует стадиям онтогенетической эволюции. Во второй класс входят конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной асимметрии больших полушарий [7]. На психофизиологическом уровне в условиях непосредственного и активного контакта с окружающей средой человек реализует индивидуальную программу развития, ограниченную онтогенетическими рамками, что есть *биологическая детерминация второго порядка*.

Взаимодействие индивида со средой осуществляется по схеме «вызов-ответ» или «стимул-реакция» и сводится к поиску некоего оптимума реагирования, который поддерживает целостность и стабильность организма.

Момент «вызова реакции» впервые исследуется патофизиологом Г. Селье в биологической теории стресса. Стресс рассматривается как стандартный ответ организма на любое предъявляемое ему требование. Его назначение состоит в актуализации адаптивных способностей организма. Адаптация — целенаправленная системная реакция организма, направленная на развитие функционального состояния, адекватного условиям внешней среды, и реализуется в рамках морфогенеза — формообразования органов и систем. Для организма адаптация принимает абсолютное значение, так как она позволяет переносить значительные по объему и скорости изменения в окружающей среде.

Момент «ответа организма» глубоко изучается в работах физиолога У. Кеннона, который связывает нормальную жизнедеятельность человека с сохранением постоянства внутренней среды организма — гомеостазом. Что бы ни происходило с человеком, система физиологической саморегуляции возвращает его в рамки индивидуального оптимума или быстро, при большой силе устойчивости, или медленно — через функциональные нарушения и болезни. Восстановлению первоначально нарушенного гомеостатического баланса способствует повышение активности симпатической нервной системы и, соответственно, увеличение в крови концентрации кортикостероидов — гормонов коры надпочечников. Структурной ценой адаптации организма В.В. Колбанов называет потерю клеточных структур и клеток организма вследствие увеличенного распада нуклеиновых кислот и белков в доминирующей системе и атрофии клеточных структур вне доминирующей системы [8]. Опыт стрессовых реакций является одновременно негативным и позитивным, и его общее качество определяется степе-

нью стрессоустойчивости, то есть способностью переносить стресс без необратимых потерь. Адаптация и гомеостаз, таким образом, являются взаимосвязанными, взаимодополняющими физиологическими механизмами, задействующими функциональные резервы индивида и генетически определяющими его общую жизненную мобильность.

Психофизиологическому аспекту определенности человеческой жизни уделяется особое внимание в бихевиористском направлении психологии, которое работает внутри отношения «стимул-реакция» в прагматических исследованиях процесса формирования личности. Отождествляя поведение с системой наблюдаемых и скрытых моторных реакций, американский психолог Джон Уотсон утверждает ведущим фактором развития окружающую социальную среду. Психическое развитие происходит прижизненно и отождествляется с научением, то есть приобретением информации о стимулах и наиболее адекватных реакциях на них. При этом из всех возможных реакций отбираются и закрепляются те, которые способствуют лучшей адаптации к социальной среде. Бихевиоризм переходит в педагогику и до сих пор там остается, формируя мощные доминанты контроля поведения и внешнего подкрепления учебных рефлексов, которые, будучи условными по своей природе, не столько совершенствуют, сколько разнообразят индивидуальный опыт развития, превращаясь из «дополнительных» (И.П. Павлов) — в основные. Несмотря на многолетнюю критику, пишут Н.Э. Гусинский и Ю.И. Турчанинова, «бихевиористская логика явно или неявно используется многими родителями, учителями, деятелями системы образования» [9].

Духовная проблема бинарной модели человека

Психологическое понимание системы «Человек» аналогично отталкивается от феномена конечности личности. Личность фиксируется принадлежностью к определенному типу семьи, классу, профессиональной категории, этнической группе, нации, расе. Членство в различных общественных модулях обуславливается процессами самоконструкции «Я» в жизненном пространстве, где *культурная и историческая определенность* рассматривается необходимым условием личностной эволюции.

Личность действительно не может полноценно развиваться вне различных подсистем социокультурной среды, которые обеспечивают функциональный рост ее качеств в логике деятельности. При этом любые формы культуры разворачиваются в реальном историческом времени и пространстве, им всегда соответствует определенная «историческая ситуация» (К. Ясперс), «хроно-топ» (М. Бахтин). Эти формы представляют собой целостные системы, умопостигаемые единицы истории, называемые обществами, цивилизациями, «культурно-историческими типами» (Н. Данилевский).

В процессе саморазвития общество замыкается на себе и потенциально ограничивает человека — культурно-исторического субъекта — в освоении истинной родовой сущности. Реализуя собственную программу, оно требует от личности формирования системы ценностей, связанных со структурой конкретного микросоциума, где нормы и требования общежития оказываются конкретизированными в масштабах хронотопа, еще более вырожденными, конечными, далекими от всей полноты бытия и эволюции.

Социокультурные программы общества, представленные системой мотивов и целей деятельности, норм и ценнос-

тей ее регулирующих, а также средств, способов, форм и видов ее осуществления, получают преимущество над неизменными генетическими программами животных, поскольку открывают широкие перспективы совершенствования человека. Однако вместе с животной активностью эти программы отвергают инстинкты высшего природного порядка, концепт постоянства человеческого бытия, духовные критерии качества личностной динамики. Без учета высшего уровня всеобщего историческая и культурная определенность личностного развития проявляет свой лимитирующий потенциал в *социальной детерминации первого и второго порядка* соответственно.

Постепенно история укрепляет связь личностного развития с общественными формами, внешнюю цельность личности в ущерб ее внутренней целостности. Уже в XIX веке в рамках марксистской философии из совокупности общественных отношений выводится социальная сущность человека, а в середине XX века эта редукция принимает форму структурного функционализма с его абсолютным приоритетом культуры над природой. Деятельность становится «причиной, основой, сущностью бытия человека» [10], а также универсальным объяснительным принципом образования с главным постулатом: «человек — продукт системы». В режиме духовной автономии — автократии — развивается та форма внутренней *целевой определенности*, когда лежащая в ее основе утилитарная цель человеческой деятельности выступает в качестве конечной причины.

Как мера человеческого самоосуществления личность не только внешне определяется и ограничивается, но сама становится границей, реализуемой в культурно-историческом процессе осознания собственной сущности, ее эволюционным порогом. В ролевых рамках личностного пространства, пред-

ставленного многоуровневой динамической системой отношений, носитель субъектных свойств, Божественного содержания, каузальности, постепенно становится самим Субъектом, «заместителем» Бога, Движущей силой, устанавливающей Личностный Абсолют.

Осмысление конечности и причастности вне контекста онтологической проблемности деформирует процессы идентификации личности. «Биологический якорь», построенный из материала эпохи Просвещения, в поисках эволюционной ниши человека утягивает его самосознание на самое «дно» Природы, определяя материалистические тенденции в философии, науке и образовании, как минимум, на целое столетие вперед. Очевидно, биологическая, точнее зоологическая, определенность человека становится ведущей в системе многообразных отношений к окружающему миру. Так за массовой онтологизацией биологической сферы с санкции дарвинизма происходит биологизация сферы социальной и социализация духовной сферы, которая завершает линию глубинной инверсии личности и становится действующим пределом индивидуального и общественного, в том числе педагогического, сознания.

Процессы инверсии, или отчуждения, личности в современной философии рассматриваются в контексте фундаментального расщепления этического сознания на собственно нравственность и мораль как приспособленную к бытию форму нравственности, связанную с «внешним общением личности» и «внешней целесообразностью» (А.С. Арсеньев). Полюс нравственного сознания обеспечивает истинная Культура как процесс проявления духовной сущности человека, реализации человеческого достоинства или собственно человеческого в преемственности исторического опыта людей (Н. Бердяев, С. Булгаков, А. Тойнби). В пси-

хологии ее называют «культурой достоинства» (А.Г. Асмолов, М.С. Нырова), которая составляет здоровую альтернативу «культуре полезности»: «Если в культурах полезности нас оценивают и судят, то в культурах достоинства — понимают и прощают» [11]. Оценочная культура запада, будучи результатом объективации животных стремлений человека, обслуживает полюс морального сознания и пропитывает собой всю смысловую систему личности. В размышлениях Н.А. Бердяева подчеркивается ее огромная подавляющая сила в «ограничении пространства души», связанного с «расчетливостью», «экономией пространства и времени» [12] и, следовательно, экономией достоинства. Гуманистическая ориентация на творческую, свободную социализацию личности лишь видоизменяет смыслообразующую традиционную педагогику от формирования *достойных членов общества* к воспитанию *субъектов, достойных общества*.

Отчужденная личность не имеет ресурсов достойного наполнения пространства собственного существования, поэтому связность и целостность мироздания конструирует во внешнем, событийном общении, количественном восполнении утраченного духовного единства. В жизнедеятельности происходит трансляция активности личности, движение ее внешних мотивов, обеспечивающих поиск и обнаружение ограниченным «Я» себя же в другой ограниченности.

В.В. Василькова, исследуя процессы социальной самоорганизации, пишет: «Инстинктивная тяга к общению и заполнению пустоты бытия оборачивается экзистенциальным эрзацем — эффектом толпы» [13]. Психологические характеристики толпы совпадают с таковыми у современного «реактивного общества» (В.Н. Волченко) с его нестационарностью, хаотичностью бытия, несогласованностью и

спонтанностью осуществления людских волей. Общество как толпу отчужденных личностей можно считать фрактальным феноменом, проекцией Эго — «толпы субличностей», которая формируется в психологически разрозненных динамиках деятельности и которой свойственно столь же выраженное ощущение тревоги.

На отношение современных личностей к толпе указывает отсутствие ясно осознаваемой общности цели их деятельности, наличие общего (прагматического, конечного) объекта внимания и сходство эмоционального состояния тревожности. «Для толпы сущность невидима и не возбуждает внимание, заслоненная следствием», — читаем в философии Агни-Йоги [Озарение, I.VI.1]. Известный психоаналитик К. Хорни, исследуя общий фактор личностных расстройств, называет тревогу или страх главным содержанием базальных конфликтов «невротической личности нашего времени», первым динамическим центром неврозов, которые, пользуясь неутвержденным автором термином, все же, можно называть культурными. «Жизненные условия в каждой культуре порождают некоторые страхи. Они могут вызываться внешними опасностями (природа, враги), формами социальных отношений (рост враждебности вследствие угнетения, несправедливости, вынужденной зависимости, фрустраций), культурными традициями... Они навязываются каждому индивиду, живущему в данной культуре... Никто не может их избежать» [14].

Тема тревожности становится ведущим мотивом философии XIX — XX вв. и основательно разрабатывается в экзистенциальном философско-психологическом направлении. Однако по серьезному счету дело не получает продвижения дальше постановки проблемы: «вопрос поднимается, но не решается» [15].

Существо тревожности связывается с определением экзистенции (лат. *existentia* — существование) в общей структуре сущего. Собственно, человеческая природа осознается в понятиях промежуточности человеческого существования, «бытия-между» (С. Кьеркегор) с атрибутивными характеристиками его принципиальной несамостоятельности и зависимости от небытия. Экзистенциализм сосредотачивает внимание на моменте взаимного перехода экзистенции — внутреннего содержания личности, подлинного существования неповторимой индивидуальности — и внешнего, предметного бытия, неподлинного существования, где тревога понимается психологическим феноменом «вызова», побуждения к подлинному существованию. Однако вопрос становления бытия экзистенциализм «выворачивает наизнанку» (С.Л. Рубинштейн) и, абсолютизируя существование человека, приводит к «снятию сущности как устойчивого в процессе изменения» [16]. Не только в перспективных отношениях с неопределенным будущим, но и в нарушении связи с далеким прошлым С.Л. Рубинштейн видит истинную причину тревожных состояний: «Человек выступает как исходное: он оказывается не только началом, но и концом, поскольку не имеет возможности выйти в сферу бытия в целом» [там же].

Тревога не имеет своего конкретного, осознаваемого объекта, точнее, ее объектом выступает сам человек в своей бесконечной сущности. Современный протестантский философ П. Тиллих называет человека «тревожащимся существом», симптомы которого подводят к осознанию того, что небытие входит в его личное бытие: «Тревога — это конечность, пережитая как собственная конечность» [17]. Феномен личной конечности, заданный экзистенциальной

включенностью в мир, генерализует ощущение ситуации неопределенной опасности, которая объективируется в тревогу пустоты и бессмысленности. В этом случае тревога может быть рассмотрена как единый фактор генетической (социальной и биологической) детерминации человеческого становления, проявление общего адаптационного ноогенного синдрома на начальной стадии болезненного переживания предела развития. Онтологизируя сферу переживаний, экзистенциализм поддерживает ситуацию хронического стресса. Он не преодолевает, а лишь предельно выражает тревогу бессмысленности и ограничивает адаптационные возможности человека, пытаясь «принять эту тревогу в виде бунта» [там же].

Поскольку споры с жизнью и смертью занятие бесполезное, в культуре и через культуру гораздо чаще проявляется другой, мирный, то есть превентивный, подход к пограничным психическим состояниям. У К. Хорни *защита* представляется в качестве второго динамического центра невроза, или фактора культурной детерминации, действующего через систему различных табу, ритуалов и обычаев. Причинно связанные не с самой тревогой, а формами ее проявления — страхами, они лишь частично нивелируют невротическое влияние конечных культурных смыслов. Тревога и защита, таким образом, предстают главными манифестациями конечности личности (ощущения конечности), которые культивируются одномерным диалектическим мышлением в его развитии: агрессивным, «воинствующим» (В.И. Ленин) и реактивным, «защищающимся» (А. Бэйн) материализмом. «Материализм должен защищаться по причине истребления непрерывности жизни», — снова находим созвучное пояснение в космической философии Агни Йоги [Озарение, 1.V.13].

Усиление тревожности в настоящее время максимально мобилизует защитные механизмы личности. В прогрессирующем обособлении от всей полноты многомерного бытия она доходит до предела ограниченности, ярко выраженного в интеллектуальной культуре постмодерна, когда метафизическим вопросам о первичных причинах (последних основаниях) бытия предпочитается мир фактов, бесконечное подменяется конечным, бытие бытом, где уже нет необходимости в опоре на высоту идей и глубину инстинктов. Суверенизация обыденного мышления оформляется в соответствующий способ жизни, где все, начиная от языка и кончая формами совместного общежития, лишается бытийного основания в ориентации на конечное существование.

В культуре конечного существования обостряется вопрос *психологической устойчивости личности*. «В основании почти всех теорий личности лежит предположение о том, что личность как социально-психологический феномен представляет собой жизненно устойчивое в своих основных проявлениях образование» [18]. Психологическое понимание «устойчивости» выстраивается вокруг проблемы взаимодействия людей с точки зрения поведения, психических процессов, свойств или черт личности. Однако по результатам многочисленных лонгитюдных исследований оно не находит всеобщей формы выражения за разной степенью вариативности этих свойств. Более того, за фиксацией движения личности неизбежно теряется всеобщий характер самой проблемы ее постоянства, поскольку на деле оказывается, что «...личностная устойчивость характерна далеко не для всех людей» [там же].

Личность, будучи духовно неукорененным, принципиально неустойчивым существом, редуцирует базисную потребность в самосохранении, люб-

ви, защите и стабильности к социальной идентичности с частью общества, референтной группой или какой-нибудь авторитетной общностью, и успешно, до недавнего времени, осуществляет так называемую *социальную устойчивость*. Общество становится альтернативой природе, где существующие личности обуславливаются социальным окружением точно так же, как существование животного детерминируется биологической средой обитания. Со времен Аристотеля до нас доходит определение человека как «социального животного», развитие которого можно назвать процессом морфогенеза на социальном уровне. Его сущность состоит в развитии способности выбора общественных ролей, способов их исполнения, развитии адекватности деятельности текущим социальным заказам (исполнительности, функциональности, профессионализма) и укреплении общественного статуса.

Биологизация социальной сферы личности описывается «разрастанием» в личности фундаментального свойства живой материи — адаптивности, которая рассматривается естественным содержанием феномена психологической защиты. По Э. Фромму, основным защитным механизмом, формирующимся в условиях инверсии сознания, является конформизм — приспособленчество к господствующим порядкам и мнениям, пассивное принятие существующих идеалов, норм, отношений, строя. Под воздействием социальных адаптогенов сам конформизм становится нормой отношений и постепенно переходит в консервативность — приверженность устоявшемуся, противодействие новому, что говорит уже о воспитанной потребности личности в устойчивом социальном равновесии и определенности.

Социум наделяется биологическими характеристиками: народ представляется «телом», сожительством индивидов — *corpus symbioticum* (И.

Альтузий), государство, школа — социальным организмом (И. Кант). Личность в системе многоплановой деятельности поддерживает константы существования общественного тела во исполнение социального инстинкта самосохранения.

Отчуждение всего корпуса культуры вместе с его педагогическим ядром от естественных начал социальности являет собой нарушение фундаментального принципа обратной связи, в итоге мы видим подавление духовных способностей личности — совести, альтруизма, креативности. Функционирующий человек незаметно для себя становится ригидным, неспособным к принципиальному изменению собственной программы деятельности — перестройке восприятия, представлений, поведения в условиях того требующих. Будучи укорененным в социуме и поглощенным деятельностью более или менее успешным функционером, «зрелая» личность, вырванная из непосредственной связи с Природой, не только не может, но уже и не желает глубинных творческих метаморфоз. Парадокс развития состоит в том, что оно имеет тенденцию прекращаться по достижении достаточно высокого уровня компетентности, когда личность приобретает хорошо сформированную систему навыков, позволяющую ей легко и даже автоматически справляться с повседневными задачами в пределах принятой ею нормы. Так Н.Э. Гусинский и Ю.И. Турчанинова описывают современный «кризис компетентности». Феномен движения нормы и ломки социальных идентификаций в своих глубинных выражениях коррелируют с потерей смысла деятельности, что является структурной ценой социальной адаптации, или социализации духовной сферы личности. Во всей системе образования «воспроизводится культура бессмысленного исполнения», — отмечают

ученые-педагоги Е.В. Бондаревская и С.В. Кульневич [19].

И. Кант в свое время учил, что человек как личность стоит ниже законов природы, находится под влиянием внешнего мира. Он несвободен, так же как несвободно общество, то есть коллективная личность, которой труднее, чем отдельной личности, рефлексировать свою природную зависимость. Тем не менее, с конца прошлого века имеет место глобальная социальная рефлексия общецивилизационного кризиса, которая впервые проявляется на всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в г. Рио-де-Жанейро (1992) в постановке проблемы «устойчивого развития» (Г.Х. Брундтланд). Сосредотачивая внимание на самых важных жизненных вопросах, стоящих перед мировым сообществом, конференция признает, что в мире, где так много нужды и где окружающая среда ухудшается, невозможны здоровое общество и экономика.

Сегодня этот прогноз становится диагнозом — общество, эта могущественная система нормирования и стабилизации, превращается в интегрального пациента. Понимая это с точки зрения здоровья как «основных страстей и побуждений целостного существования человека», Э. Фромм выявляет главный симптом дегуманизации, который дает обобщенный портрет цивилизованной личности, социально ущербного человека: «Ни один общественный строй не создает эти фундаментальные устремления, но лишь определяет, каким именно из ограниченного набора потенциальных страстей предстоит проявиться или возобладать». При этом «каждое общество как бы предлагает собственное средство против вспышки явных невротических симптомов, являющихся следствием порождаемой им ущербности» [20]. Как известно, каждое лекарство имеет строго избирательный спектр действия, при-

чем действия не исцеляющего, а ремиссионного (временно ослабляющего симптомы) значения. Таким «лекарственным средством» и становятся современные инновации в образовании. Призванные возместить социальный ущерб традиционного общества, они задействуют не столько резервные, сколько компенсаторные механизмы наличной культуры и вновь смещают ребенка на периферию собственного и мирового развития, что в сущности одно и то же.

За неустойчивыми крупномасштабными процессами в обществе признается невозможность здоровой личности. Прежде автономные и осознаваемые психические процессы поглощаются функцией, выполняемой индивидом в государстве, его публичным существованием, частное расстройство более непосредственно, чем прежде, отражает расстройство целого, и лечение индивидуального расстройства более непосредственно, чем прежде, зависит от общего расстройства (Г. Маркузе). Выделяя проблему индивидуального развития, массовая школа нарушает его прямую связь с глобальными проблемами общества и блокирует важные механизмы саморегуляции.

На первый взгляд, история задает человеку неразрешимую задачу: личность не способна развиваться вне общества, но и в *таком* обществе она тоже не может развиваться полноценно. К осознанию системной недостаточности существующей модели развития (образования) человечество медленно и с огромными затратами приходит опытным путем. Невнимание к родовому началу ин-

дивида, врожденным факторам устойчивости личности на этапе общего кризиса Природы и Социума приводит к разрыву условных связей конкретного тождества индивида и личности, кризису социальности и витальности, потере здоровья во всех его аспектах [20].

Заключение

Современное развитие личности осуществляется на базе устаревшей философии образования, разработанной по лекалу редукционистского мышления французских просветителей. Феноменологическая редукция мышления лежит в основе смыслообразования (аксиологическая редукция), целеобразования (методологическая редукция), содержания образования (эпистемологическая редукция), инициирует и сопровождает парадоксальное восприятие образовательного процесса в его ценностно-смысловом и действенно-практическом аспектах.

Окончательное «разбожествление» мира (Р. Рорти) заключает человека в оковы отдельной жизни наедине с меркантильными желаниями, которые и приводят его к «расчеловечиванию» (А. Арсеньев). Так, следуя материалистической логике развития, «XIX век потерял Бога, а XX век – человека» (Э. Фромм).

Ноосферная наука позволяет отождествить ключевые психологические понятия «индивид» и «личность» в категории «индивидуум». Индивидуум на адаптационно-приспособительной основе интегрирует в себе качества физической отдельности индивида и духовной обособленности личности как

внешних, индивидуально-генотипически и культурно обусловленных конечных целостностей, выражающих тенденцию человека-объекта космосоциоприродной системы – цели и результата современного массового образования. В таком случае, биогенетический закон Мюллера-Геккеля как нормативный принцип моделирования педагогической практики теряет силу.

Очевидно, для непротиворечивого здорового развития нового поколения необходимо вернуть Разум в научную картину мира, соединить на законных основаниях территории сознания и бессознательного в психике личности, простроить образовательное пространство и конкретные воспитательные системы на базе так называемой открытой философии и методологии. Это великое возвращение к Разумному основанию жизнедеятельности сегодня уже будет опираться не только на классиков мировой науки (И. Ньютон, Л. Пастер, М. Планк, Ч. Дарвин, В. Вернадский), но современные научные – ноосферные – концепции космогенезиса (Б.А. Астафьев, В.Н. Волченко), глобалистики и устойчивого развития (П.Г. Кузнецов, Н.Н. Моисеев, Б.Е. Большаков, А.Д. Урсул), самоорганизации, функциональной надежности и информационной безопасности живых систем (Е.В. Юркевич, В.П. Казначеев), системологии ноосферного образования (Н.В. Маслова), которое интегрирует вышеуказанные достижения в простроенном на основе космобиогенетического закона Мюллера-Геккеля-Астафьева действующем технологическом ключе.

Литература

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М., 2001. С. 74.
2. Психологический словарь / под ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-на-Д. 2003. С.155.
3. Философский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 177.

References

1. Arsen'ev A.S. Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti. Moscow, 2001. P. 74. (In Russ.)
2. Psikhologicheskii slovar' / Ed. Yu.L. Neymera. Rostov-on-Don. 2003. P.155. (In Russ.)
3. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 2003. P. 177. (In Russ.)

4. Русалов В.М. Природные предпосылки и индивидуально-психологические особенности личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / Под ред. Куликов Л.В. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 18–20.

5. Самоорганизация в природе / Поиск связи между разн. способ. постр. систем. Томск, 1996. С. 106.

6. Данилова Н.Н., Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов-на-Д., 1999. С. 30–62.

7. Ананьев Б.Г. Психологическая структура личности и ее становление в процессе индивидуального развития человека // Психология личности в трудах отечественных психологов / Под ред. Куликов Л.В. СПб. 2000. С. 50.

8. Колбанов В.В. Валеология. СПб., 1998. С. 49.

9. Гусинский Н.Э., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. М.: Логос, 2003. С. 165, 172.

10. Современная западная философия / Малахов В.С. и др. М., 1991. С. 125.

11. Прызжников Н.С. S ≠ \$ или личность в эпоху продажности. М., 2000. С. 10.

12. Бердяев Н. Философия свободы. М.: Фолио, 2002. С.325.

13. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. М., 1998. С. 43.

14. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993. С. 20.

15. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека. М., 2001. С. 42.

16. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 304.

17. История современной зарубежной философии: компаративистский подход СПб., 1997. С. 249–250.

18. Немов Р.С. Психология / Общие основы психол. М., 1995. Кн. 1. С. 307–309.

19. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистически теориях и системах воспитания. М., 1999. С. 130.

20. Фромм Э. Здоровое общество // Мужчина и женщина. М., 1998. С. 140–141.

21. Куликова Н.Г. Управление качеством здоровья и образования // Открытое образование. 2016; (2) С. 11–15. DOI:10.21686/1818-4243-2016-2-11-15.

4. Rusalov V.M. Prirodnye predposylki i individual'no-psikhofiziologicheskie osobennosti lichnosti. Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov / Ed. Kulikov L.V. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Piter», 2000. P. 18-20. (In Russ.)

5. Samoorganizatsiya v prirode / Poisk svyazi mezhdru razn. sposob. postr. sistem. Tomsk, 1996. P. 106. (In Russ.)

6. Danilova N.N., Krylova A.L. Fiziologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Rostov-on-Don, 1999. P. 30–62. (In Russ.)

7. Anan'ev B.G. Psikhologicheskaya struktura lichnosti i ee stanovlenie v protsesse individual'nogo razvitiya cheloveka. Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov / Ed. Kulikov L.V. Saint-Petersburg. 2000. P. 50. (In Russ.)

8. Kolbanov V.V. Valeologiya. Saint-Petersburg., 1998. P. 49. (In Russ.)

9. Gusinskiy N.E., Turchaninova Yu.I. Vvedenie v filosofiyu obrazovaniya. Moscow: Logos, 2003. P. 165, 172. (In Russ.)

10. Sovremennaya zapadnaya filosofiya / Malakhov V.S. and others. Moscow, 1991. P. 125. (In Russ.)

11. Pryazhnikov N.S. S ≠ \$ ili lichnost' v epokhu prodazhnosti. Moscow, 2000. P. 10. (In Russ.)

12. Berdyaev N. Filosofiya svobody. Moscow: Folio, 2002. P. 325. (In Russ.)

13. Vasil'kova V.V. Poryadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem. Moscow, 1998. P. 43. (In Russ.)

14. Khorni K. Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Moscow, 1993. P.20. (In Russ.)

15. Vasil'eva O.S., Filatov F.R. Psikhologiya zdorov'ya cheloveka. Moscow, 2001. P. 42. (In Russ.)

16. Rubinshteyn S.L. Problemy obshchey psikhologii. Moscow, 1976. P. 304. (In Russ.)

17. Istoriya sovremennoy zarubezhnoy filosofii: komparativistskiy podkhod Saint-Petersburg, 1997. P. 249–250. (In Russ.)

18. Nemov R.S. Psikhologiya / Obshchie osnovy psikhol. Moscow, 1995. Book 1. P. 307–309. (In Russ.)

19. Bondarevskaya E.V., Kul'nevich S.V. Pedagogika: lichnost' v gumanisticheski teoriyakh i sistemakh vospitaniya. Moscow, 1999. P. 130. (In Russ.)

20. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo. Muzhchina i zhenshchina. Moscow, 1998. P. 140–141. (In Russ.)

21. Kulikova N.G. Upravlenie kachestvom zdorov'ya i obrazovaniya. Otkrytoe obrazovanie. 2016. (2) P. 11–15. DOI:10.21686/1818-4243-2016-2-11-15 (In Russ.)

Сведения об авторе

Наталья Геннадьевна Куликова

Д.п.н, первый заместитель генерального директора АНО «Центр ноосферного здоровья», Москва, Россия

E-mail: ngk2211@gmail.com

Тел.: (906) 079-55 92

Information about the author

Natalya G. Kulikova

Dr. Sci. (Psych.), First Deputy Director General ANO «Center for Noospheric Health», Moscow, Russia

E-mail: ngk2211@gmail.com

Tel.: (906) 079-55-92